

Джонатан Сакс

НЕ
во имя
ГОСПОДА

Против
религиозного
насилия

Перевод с английского Олега Алякринского

{книжники}

МОСКВА

2023

Оглавление

<i>Благодарности</i>	8
ЧАСТЬ I: ПЛОХАЯ ВЕРА	
1. Альтруистическое зло	13
2. Насилие и идентичность	38
3. Дуализм	56
4. Козел отпущения	77
5. Кровное соперничество	98
ЧАСТЬ II: БРАТЬЯ	
6. Единокровные братья	119
7. Поединок с ангелом	136
8. Обмен ролями	154
9. Неприятие неприятия	170
ЧАСТЬ III: С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ	
10. Чужак	185
11. Универсальность справедливости, индивидуальность любви	197
12. Трудные тексты	214
13. Избавление от власти	227
14. Отпустить ненависть	244
15. Жажда власти или жажда жизни	257
<i>Библиография</i>	273
<i>Примечания</i>	286

Часть I

ПЛОХАЯ ВЕРА

Альтруистическое зло

Никогда зло не творится
так широко и так весело, как когда оно
делается по убеждению.

Блез Паскаль*

Когда вера превращает людей в убийц, Бог плачет.

Так нам говорит книга Берешит**. Сотворив людей по своему образу, Господь видит, как первые мужчина и женщина нарушают первую заповедь, а первый человеческий отпрыск совершает первое убийство. За небольшой отрезок времени «разбоем наполнилась земля». И увидел Господь, «что из-за человека на земле умножается зло». Затем мы читаем одно из самых жестоких высказываний в религиозной литературе: «Раскаялся Господь в том, что создал человека на земле, и стало Ему скорбно» (*Берешит*, 6:6).

Слишком часто в истории религий люди убивали во имя Бога жизни, воевали во имя Бога мира, ненавидели во имя Бога любви и поступали жестоко во имя Бога сострадания. Когда это происходит, Господь говорит — иногда ровным тихим голосом, почти неслышным в шуме тех, кто кричит, что они выступают от Его имени. В такие времена Бог говорит: «*Не во имя Мое*».

* Паскаль Б. Мысли. Здесь и далее цит. в пер. Ю. Гинзбург. *Здесь и далее в постраничных сносках, если не указано иное, — прим. ред. Цифрами помечены примечания автора, см. с. 286.*

** Названия книг Библии и имена библейских персонажей приводятся в соответствии с их транслитерацией с иврита, нумерация стихов библейских книг и псалмов дается по Еврейской Библии, если не указано иное.

Религия в форме политеизма вошла в мир как обоснование власти. Церковь, религия не только не отделялись от государства, но служили его трансцендентальным оправданием. Почему на земле существует иерархия? Потому что иерархия существует на небесах. Точно так же, как солнце правит в небе, так и фараон, царь или император правит на земле. Когда одни притесняли других, когда горстка управляла многими и обращала целые народы в рабов, это делалось — так утверждалось — ради защиты священного порядка, вписанного в канву самой реальности. Без него воцарился бы хаос. Политеизм был космологическим подтверждением иерархического общества. Его монументальная архитектура, зиккураты Вавилона и пирамиды Египта, широкие в основании, узкие вверху, были зримыми символами иерархии. Религия рядилась в одеяния святости, маскируя голое стремление к власти.

На таком фоне и возник стойкий протест — авраамический монотеизм. Не сразу, но в конечном счете он выдвинул неслыханные притязания, заявив, что человек, независимо от цвета кожи, культуры, класса или веры, есть образ и подобие Бога. Абсолютная власть вторгалась в историю, чтобы освободить абсолютно безвластных. Об обществе судят по тому, как в нем обращаются с самыми слабыми и уязвимыми его членами. Жизнь священна. Убийство — преступление и грех. Людей должны связывать узы завета, основанные на праведности и справедливости, милосердии и сострадании, великодушии и любви. Хотя в ранних книгах Еврейской Библии война заповедана, по прошествии веков именно ее пророки, Йешаяѓу и Миха, первыми возвысили голос за мир как идеал. Настанет день, возвестили они, когда люди земли перекуют свои мечи на мотыги, а копья свои — на садовые ножи и перестанут воевать*. Согласно Еврейской Библии, авраамический монотеизм вошел в мир как противник автократии и применения силы в качестве орудий, превращающих одних людей в господ, а других — в рабов.

Сам Авраѓам, почитаемый 2,4 миллиарда христиан, 1,6 миллиарда мусульман и 13 миллионами евреев, не правил империей, не командовал армией, не завоевывал территорий, не творил чудес и не изрекал пророчеств. И хотя он жил иначе, нежели его соседи, он за них

* Ср.: *Йешаяѓу*, 2:4; *Миха*, 4:3.

заступался и молился, произнося самые дерзновенные речи, какие человек когда-либо адресовал Богу: «Разве Судья всей земли не поступит по справедливости?!» (*Берешит*, 18:25). Сохраняя верность своей вере, он благословлял других независимо от их веры.

Эта идея, игнорировавшаяся в течение многих столетий, остается простейшим определением авраамической веры. В нашу задачу не входит завоевание или обращение мира в свою веру или навязывание единоверия. Наша задача — быть благословением для мира. Использование религии в политических целях — это не добродетель, а идолопоклонничество. Не Моше или Мухаммед, а Макиавелли утверждал, что лучше, чтобы тебя боялись, нежели любили*: это кредо террориста и шахида. И это Ницше, чьей этической максимой стала воля к власти, впервые заявил: «Бог умер».

Взывать к Богу для того, чтобы оправдать насилие над невинными, есть не святость, а святотатство. Это своего рода кощунство. Это упоминание имени Господа всуе.

*

После атаки на башни-близнецы в Нью-Йорке и на Пентагон 11 сентября 2001 года религиозно мотивированного насилия в мире не стало меньше. После войн в Афганистане и Ираке, интервенций в Ливию и Сирию, после смены режимов во многих странах Ближнего Востока и появления ИГИЛ (известного также как Исламское государство**), после более чем десятилетия, ушедшего на осмысление возникшей проблемы, Запад стал слабее, а политически радикальный ислам, напротив, усилился.

* Ср.: «...что лучше, чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх». См. *Макиавелли Н. Государь* / Пер. с ит. Г. Муравьевой. Избр. соч. М.: Художественная литература, 1982. С. 348–349.

** Международная организация «Исламское государство», или ИГИЛ, признана в России террористической, ее деятельность в РФ запрещена.

«Аль-Каида»* и исламистская идеология, из которой выросло это движение, породили во всем мире десятки, а возможно, и сотни групп их союзников или подражателей, и ни эти группы, ни устраиваемые ими террористические акты не подают ни малейших признаков ослабления. Например, в ноябре 2014 года джихадисты совершили 664 нападения в четырнадцати странах, убив в общей сложности 5042 человека. В декабре 2014 года в докладе, совместно подготовленном Всемирной службой Би-би-си и Международным центром по изучению радикализации при Королевском колледже в Лондоне, сделан вывод о том, что исламистский экстремизм «проявляется сильнее, чем когда-либо», несмотря на снижающуюся роль «Аль-Каиды»¹.

Мы привыкли видеть на телеэкранах и в социальных сетях зрелища, которые, как нам казалось, переносят нас в Средние века. Обезглавленные заложники. Зарубленные топорами солдаты. Заживо сожженный иорданский летчик. Вырезанное ни в чем не повинное население. Хладнокровно убитые школьники. Ставшие жертвами сексуального насилия и проданные в рабство девочки. Десятилетние шахиды-смертники. В опубликованном в феврале 2015 года докладе Комитета ООН по правам ребенка говорится о массовых казнях мальчиков боевиками ИГИЛ, об обезглавливании или о закапывании живьем детей². Христианские храмы, синагоги и мечети были стерты с лица земли, святые места осквернены, верующие убиты во время молитвы, а христиане похищены и распяты. Древние общины изгнаны из родных мест.

Христиане систематически подвергаются гонениям во многих уголках мира. На Ближнем Востоке они повсеместно сталкиваются с угрозами, тюремным заключением и смертью. В Афганистане христианство практически искоренено. Последняя уцелевшая церковь была сожжена дотла в 2010 году. Тем, кто принимает христианство, грозит смертный приговор. В Сирии примерно 450 тысяч христиан стали беженцами. Представители других религий, в том числе мандеи, езиды, бахаи, и принадлежащие к мусульманским религиозным

* Международная организация «Аль-Каида» признана в России террористической, ее деятельность в РФ запрещена.

меньшинствам также подвергались преследованиям вплоть до насильственной смерти.

В Египте пять миллионов коптов живут в тотальном страхе. В 2013 году в результате так называемой египетской хрустальной ночи, крупнейшей с XIV века атаки на христиан, были взорваны или сожжены более 50 церквей³. Коптских девочек похищают, против их воли обращают в ислам и насильно выдают замуж за мужчин-мусульман. За попытку вернуться к своей, христианской, вере их ждет тюрьма или смерть⁴.

В 2001 году в Ираке проживали 1,5 миллиона христиан, сегодня же — едва ли 400 тысяч. В 2014 году ИГИЛ инициировала массовые казни христиан через обезглавливание, объявив, что всякий, отказавшийся исповедовать ислам, будет «убит, распят или ему отсекут руки и ноги». Христиан изгнали из Мосула, второго крупнейшего в Ираке города, где они проживали более шестнадцати веков.

В Судане с 1984 году боевики арабского мусульманского ополчения «Джанджавид» убили, по разным оценкам, 1,5 миллиона христиан. В Пакистане христиане живут в постоянном страхе. В ноябре 2010 года Асия Норин Биби, христианка из провинции Пенджаб, была приговорена к смертной казни через повешение за нарушение пакистанского закона о богохульстве. Обвинению предшествовал инцидент, когда она выпила воды вместе с работниками фермы — мусульманами*. Те заявили, что она, будучи христианкой, не имела права касаться чаши для питья. Начался судебный процесс. Работники обвинили ее в богохульстве. Когда я пишу эти строки, она все еще находится в камере-одиночке, дожидаясь решения по апелляции на смертный приговор**.

Век назад христиане составляли до 20% населения Ближнего Востока. Сегодня их число упало до 4%. Происходящее можно назвать ре-

* В июне 2009 года Асия Биби во время сбора ягод в деревне Итан Вали выпила воды из «мусульманского» колодца. Работавшие вместе с ней женщины-мусульманки обвинили ее в осквернении воды. Спустя несколько дней на Асию напала разъяренная толпа, а приехавшие полицейские увезли ее в тюрьму. После вынесения ей смертного приговора выступившие в ее защиту местный губернатор и министр по делам меньшинств были убиты исламистами.

** В 2018 году Верховный суд Пакистана отменил вынесенный в 2010 году смертный приговор.

лигиозным аналогом этнических чисток. В наши дни это одно из преступлений против человечности.

Мусульмане также сталкиваются с преследованиями, в частности в Мьянме, Южном Таиланде, Шри-Ланке, Китае и Узбекистане. Восемь тысяч человек было убито во время резни в Сребренице в 1995 году, многие были изнасилованы, подверглись пыткам или депортации. В Кампучии в 1970-е годы красные кхмеры убили примерно полмиллиона мусульман и разрушили 132 мечети. В Хевроне в 1994 году религиозный фанатик-еврей Барух Гольдштейн, врач, уроженец США, открыл огонь по мусульманам-палестинцам, молившимся у гробницы Авраама, убив 29 и ранив 125 человек. 2 июля 2014 года был похищен и зверски убит семнадцатилетний палестинец Мохамед абу-Хдейр — в отместку за убийство палестинцами троих израильских подростков. 10 февраля 2015 года трое мусульман были убиты в Чапел-Хилле, в Северной Каролине, предположительно воинствующим атеистом.

Большинство жертв исламистского насилия — мусульмане. В докладе Университета Мэриленда, располагающего глобальной базой данных о терроризме, сообщается, что в период с 2004 по 2013 год около половины всех террористических актов и 60% погибших пришлось на Ирак, Афганистан и Пакистан, в которых преобладает мусульманское население⁵. Один из самых трагичных инцидентов произошел в пакистанском городе Пешаваре, где 16 декабря 2014 года боевики-талибы захватили школу для детей военных и убили 141 человека, в том числе 132 ребенка. Многие мусульмане чувствуют затаенную угрозу со стороны, как они полагают, враждебного Запада, будь то жертвы войны среди гражданского населения в Ираке, атак дронов в Пакистане, или возмездия Израиля за ракетные обстрелы ХАМАС, или общего антагонизма в странах, где они составляют меньшинство.

Тем временем в мире снова набирает силу антисемитизм, несмотря на то, что еще жива память о Холокосте. В Стокгольме 27 января 2000 года, в 55-ю годовщину освобождения узников Освенцима, лидеры всех стран Европы обязались продолжить программу международного сотрудничества в области антирасистского образования и изучения Холокоста. С тех пор антисемитизм усилился в каждой европейской стране. Евреи в страхе покидают Францию, Голландию,

Норвегию, Швецию, Бельгию и Венгрию. Исследование Агентства Европейского союза по основным правам, опубликованное в ноябре 2013 года, показало, что треть евреев в Европе подумывают об отъезде.

В Копенгагене 14 февраля 2015 года рядом с синагогой был убит еврейский волонтер службы безопасности. В Париже 9 января 2015 года в кошерном супермаркете были застрелены четверо евреев. В Брюсселе в мае 2014 года в Еврейском музее вооруженный преступник застрелил троих. В Тулузе в 2012 году возле еврейской школы были убиты учитель и трое учеников. В последних трех случаях убийцами оказались мусульмане, уроженцы Франции. Летом 2014 года большая разъяренная толпа, окружившая синагогу вблизи площади Бастилии в центре Парижа, скандировала: «Смерть евреям!»

То, что призывы «Евреев — в газовые камеры!» вновь слышатся на улицах Германии, а некоторые европейские страны воспринимаются евреями как небезопасные для жизни, в высшей степени странно, учитывая, что уже несколько десятилетий действуют антирасистские законы, происходит межконфессиональный диалог и изучается проблематика Холокоста. Евреи опасаются, что «больше никогда» может превратиться в «можем повторить».

Но угроза нависла не только над приверженцами авраамического монотеизма. Угрозе подвергаются буддисты, индуисты, сикхи, зороастрийцы и бахаи. В северном Ираке древняя секта езидов только по чистой случайности избежала геноцида от рук боевиков ИГИЛ. Будучи сами жертвами гонений, представители некоторых неавраамических религий, в особенности националисты-буддисты и индуисты, также становились преступниками. Религиозная свобода, право, закрепленное в статье 18 Всеобщей декларации прав человека, сегодня подвергается угрозе более чем в четверти государств мира. В докладе «Религиозная свобода в мире»⁶, охватывающем период с 2012 по 2014 год, отмечается, что в 55 из 196 стран мира положение существенно ухудшилось по вине либо авторитарных режимов, либо исламистских группировок. Сейчас и впрямь весьма беспокойное время.

Ханна Арендт, описывая суд над нацистским военным преступником Адольфом Эйхманом, прибегла к знаменитому определению «банальность зла», предположив, справедливо или нет, что многие из тех, кто проводил в жизнь «окончательное решение» — спланированное уничтожение европейских евреев, — были безликими бюрократами, выполнявшими распоряжения правительства скорее из послушания, нежели из ненависти. Но нет ничего банального в зле, которое сейчас поглотило крупные регионы мира.

Многие преступники, в том числе террористы-смертники и джихадисты, были родом из Европы, имели университетское образование и до своей политической радикализации были для друзей и соседей доброжелательными, приятными людьми. В отличие от нацистов, которые тщательно скрывали свои преступления от мира, сегодняшние террористы в равной степени озабочены тем, чтобы об их преступлениях знал мир, используя для этого профессионально снятые видеоролики и новейшие технологии социальных сетей. Вопиющая бессовестность, с какой они совершают то, что ведущие исламские правоведы и богословы относят к недопустимым, греховным и противоречащим Корану деяниям. Один из выживших после резни, устроенной исламистской группировкой «Боко Харам»* в нигерийском городе Гуоза, рассказывал репортеру, как хладнокровно радикалы убивали одного за другим своих единоверцев-мусульман. «Они говорили, что выполняют Божью работу, хотя все мужчины, которых они расстреляли на моих глазах, были мусульмане. И они (те, кто расстреливал. — *Ред.*) выглядели счастливыми»⁷.

Нужен особый термин для описания столь убийственного феномена, который может превратить обыкновенных людей, отнюдь не психопатов, в хладнокровных убийц школьников, сотрудников гуманитарных миссий, журналистов и молящихся. Это, если можно его так назвать, *альтруистическое зло*: зло, творимое ради священной цели, во имя высоких идеалов.

* Входит в состав запрещенного в РФ «Исламского государства».

При этом я вовсе не имею в виду поступки, о которых жарко спорят: аборт, например, или эвтаназию. И я не имею в виду проблемы вроде весьма сложного вопроса о потерях среди гражданского населения в ходе асимметричных боевых действий. Я имею в виду зло как таковое, которое мы все признаем. Убивать слабых, невинных, детей и стариков — это зло. Убивать без разбору в результате теракта или подрыва террориста-смертника — это зло. Убивать людей только из-за их веры, расы или национальности — это зло. Именно по этой причине во время Нюрнбергских процессов после Второй мировой войны родилась концепция преступления против человечности, придающая глобальную силу принципу, согласно которому есть действия настолько гнусные, что их нельзя защищать на том основании, что «я всего лишь выполнял приказы». Есть деяния настолько чуждые нашим представлениям о человечности, что их нельзя оправдывать тем, будто они служили достижению великой, благородной или святой цели.

В альтруистическом зле нет ничего специфически религиозного. Такие великие образчики зла в современной истории, как нацистская Германия, сталинская Россия, маоцзэдуновский Китай, полпотовская Кампучия, были откровенно секулярными. Массовые убийства в них предпринимались ради того, чтобы отомстить за прошлые обиды, исправить предполагаемую несправедливость, восстановить честь нации или внедрить такой общественный порядок, который принесет миру равенство и свободу. Только в фэнтези великое зло творится карикатурными злодеями вроде Дарта Вейдера, лорда Волан-де-Морта, Саурана или Джокера. В реальной истории великое зло совершается людьми, стремящимися возродить романтизированный золотой век, готовыми жертвовать своей жизнью и жизнью других ради того, что они считают великим и даже священным делом. В ряде случаев они видят себя «выполняющими Божью работу». Вот почему они «выглядят счастливыми».

Так мечты об утопии превращаются в кошмары ада.

В последние годы немало было сказано и написано о связи между религией и насилием. Появилось три возможных ответа. Первый: религия есть основной источник насилия. Поэтому, если наша цель — более мирная планета, мы должны отменить религию. Второй ответ: религия не есть источник насилия. Людей ожесточают, говорил Гоббс, страх, слава и «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»^{8*}. Религия не имеет к этому ни малейшего отношения. Лидеры-манипуляторы могут использовать ее для того, чтобы побудить людей к войне, ибо именно она вдохновляет людей на героические подвиги, самопожертвование, но сама религия учит нас любить и прощать, а не ненавидеть и воевать. Третий ответ: их религия — да, наша религия — нет. Мы за мир. Они за войну.

Ни один из ответов не верен. Что касается первого, то Чарльз Филлипс и Алан Аксельрод в своей «Энциклопедии войн», рассмотрев 1800 конфликтов, пришли к выводу, что с религией были связаны менее 10%⁹. А исследование «Бог и война», проведенное по заказу Би-би-си, показало, что религия играла некоторую, но, как правило, весьма незначительную роль в 40% вооруженных конфликтов¹⁰.

Второй ответ сбивает с толку. Когда группы террористов или боевиков призывают к священной войне, выдают свои вооруженные действия за борьбу против Сатаны, приговаривают неверующих к смерти и совершают убийства под лозунгом «велик Господь!», отрицать, что они действуют по религиозным мотивам, просто абсурдно. Религии стремятся к миру, но на своих условиях. Это рецепт не для мира, а для войны.

Третий ответ — классический пример узкогруппового пристрастия. Почти всегда люди превозносят свою группу над остальными. Генри Тайфель, один из пионеров теории социальной идентичности, показал, как глубоко это укоренилось даже в самых тривиальных группах. В одном из экспериментов он разделил участников на группы просто путем подбрасывания монетки, тем не менее каждая группа

* Гоббс Т. Левиафан. Здесь и далее цит. в пер. А. Гутермана.

упорно считала своих членов более приятными, чем другие, несмотря на то, что раньше члены группы никогда друг с другом не встречались и были выбраны абсолютно случайно. У групп, как и у отдельных людей, есть потребность в самоуважении, и они всегда будут истолковывать факты так, чтобы подтвердить свое чувство превосходства¹¹. Иудаизм, христианство и ислам позиционируют себя как религии мира, однако все они в определенные моменты своей истории породили насилие.

Предмет моей книги — не столько общая связь между религией и насилием, сколько конкретная проблема политизированного религиозного экстремизма в XXI веке. Возрождение религии в качестве глобальной силы застигло врасплох Запад, который оказался к этому не готов, потому что находился во власти нарратива, излагавшего совсем другую историю.

Считается, что 1989 год, когда рухнула Берлинская стена и закончилась холодная война, ознаменовал последний акт затянувшейся драмы, в которой сначала религия, а потом политическая идеология умерли после продолжительного пребывания в интенсивной терапии. Эпоха истинно верующих, как религиозных, так и секулярных, завершилась. Ее сменили рыночная экономика и либерально-демократическое государство, где личность и ее право жить по своему выбору получили приоритет над всеми верованиями и канонами. Гимном нового освобождения стала песня *Imagine* («Представь себе») Джона Леннона, предвосхитившая постидеологический, пострелигиозный мир, где «не за что убивать и умирать».

Это была заключительная глава истории, которая началась в XVII веке — в последнюю великую эпоху религиозных войн. Запад пережил процесс секуляризации, занявшей четыре столетия.

Сначала, в XVII веке, произошла секуляризация знания под видом науки и философии. Затем, в XVIII веке, наступила секуляризация власти благодаря Американской и Французской революциям, а также отделению — радикальному во Франции и менее доктринерскому в Соединенных Штатах — церкви от государства. В XIX веке пришла пора секуляризации культуры: художественные галереи и музеи стали восприниматься как альтернатива церквям, как места, где можно соприкоснуться с возвышенным. Наконец, в 1960-е годы наступила се-

куляризация морали посредством усвоения принципа, впервые предложенного столетием раньше Джоном Стюартом Миллем, а именно, что единственное основание, дающее право кому-либо, в том числе и государству, вмешиваться в поведение частного лица — это предотвращение вреда, который может быть причинен окружающим. Это было началом конца традиционных этических кодексов — их заменили ничем не ограниченная неприкосновенность личности, ее автономия, права и возможность выбора.

К концу XX века большинство секуляристов пришли к выводу, что религия если и не опровергнута, то, по крайней мере, более не нужна. Чтобы объяснить мироздание, нет нужды прибегать к Библии. Вместо нее у нас есть наука. Нам не требуются священные ритуалы, чтобы управлять человеческой судьбой. Их заменили технологии. Когда мы заболеваем, нам не нужны молитвы. У нас есть врачи, медикаменты и хирургия. Если мы впадаем в уныние, у нас есть альтернатива религиозному утешению: антидепрессанты. Когда нас преследует чувство вины, мы можем обратиться к психотерапевту вместо того, чтобы пойти на исповедь. Для жаждущих запредельного есть рок-концерты и спортивные состязания. Что же до человеческой брэнности, то лучше всего, советуют нам колумнисты, не думать об этом слишком часто. Люди могут сомневаться в существовании Бога, но благоразумно полагают, что если Его не тревожить, то и Он нас не потревожит.

Но секуляристы забывают, что *Homo sapiens* — животное, стремящееся к смыслу. Если и есть нечто, чего замечательные институты современного мира не гарантируют, — так это смысл. Наука дает нам ответ на вопрос *как*, но не *почему*. Технологии наделяют нас могуществом, но не могут указать, как этим могуществом воспользоваться. Рынок предлагает нам широкий выбор, но оставляет в неведении относительно того, как сделать этот выбор. Либерально-демократическое государство предоставляет нам свободу жить по своему выбору, но принципиально отказывается направлять нас к верному выбору.

Наука, технологии, свободный рынок и либерально-демократическое государство позволили нам добиться беспрецедентных достижений в области знания, свобод, средней продолжительности жизни и материального благополучия. Эти завоевания стоят в ряду величай-

ших заслуг человеческой цивилизации, и их надо защищать и лелеять. Но они не дают и не могут дать ответа на три вопроса, которые задает себе любой мыслящий человек в тот или иной момент своей жизни. Кто я? Зачем я здесь? Как же мне жить дальше? Это вопросы, которые требуют ответа не образного, а директивного, ответа по существу, а не регламентированного. В конечном счете XXI век предоставил нам максимум выбора и минимум смысла.

Религия вернулась потому, что трудно жить без смысла. Вот почему ни одно общество не смогло сколько-нибудь долго продержаться без религии или ее суррогата. XX век жестоко и окончательно показал, что искусные современные суррогаты религии (нация, раса, политическая идеология) не менее жаждут человеческих жертвоприношений, нежели их суррогатные божества.

Вернувшаяся религия — это отнюдь не та нежная, квиетистская, миролюбивая и вселенская религия, которой все мы на Западе чаяли. Напротив, она предстала в наиболее враждебной и агрессивной форме, готовая к битве с врагами Господа и апокалипсису, готовая покончить с миром декаданса и одержать окончательную победу во имя Бога, истины и покорности божественной воле.

Не все антимодернистские религии воинственны. Так, например, ортодоксальные религиозные евреи (*харедим*) — обычно квиетисты, равно как и христианские группы, такие как меннониты и амиши, или мусульманские группы суфиев. Их цель — просто жить по возможности отдельно от мира, создавая сообщества в соответствии со своими ценностями и приближаясь к Богу душой и разумом. По-своему они свидетельствуют о милосердии.

Однако, безусловно, самую большую угрозу свободе в постмодернистском мире представляет собой радикальная, политизированная религия. Это личина альтруистического зла в наше время.

*

Это зло требует ответа, но от кого? Интеллектуалы столкнулись с невероятно яростным сопротивлением их творчеству. Полемика вокруг «Сатанинских стихов» (1989) привела к убийству их японского пере-

водчика, тяжелому ранению итальянского переводчика, расстрелу норвежского издателя романа и к гибели в пожаре тридцати трех гостей на приеме по случаю выхода книги в Турции.

В 2004 году в Голландии средь бела дня в центре Амстердама был убит Тео Ван Гог, снявший фильм «Покорность»: в него выстрелили несколько раз в упор, а затем зарезали ножом, пытаясь обезглавить. В 2005 году датские карикатуры* вызвали массовые беспорядки в Африке, Азии и на Ближнем Востоке, в которых погибло по меньшей мере двести человек.

В 2006 году после лекции папы Бенедикта XVI в Регенсбургском университете подверглись нападению пять христианских храмов на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, в Могадишо была убита шестидесятипятилетняя итальянская монахиня, а в Мосуле похитили и обезглавили христианского священника. В Париже в 2011 году забросали бутылками с зажигательной смесью редакцию сатирического журнала «Шарли Эбдо», в январе 2015 года она снова подверглась нападению террористов, тогда были убиты редактор, художник-карикатурист и другие сотрудники. В глобальном мире слово утратило свободу.

Самая бурная реакция последовала от «новых атеистов»** — движения, возникшего после террористических атак 11 сентября. К сожалению, своими карикатурами и заведомо ложными заявлениями, будто всякая религия ведет к насилию и корни насилия вообще уходят в религию, его представители себе же больше всего и навредили. Это все равно что делать микрохирургическую операцию пневматическим перфоратором. У каждой религии (как и ее суррогатов) были свои периоды насилия, но каждая религия также знала благотворные периоды терпимости, великодушия и мира.

* 30 сентября 2005 года в крупнейшей датской газете «Юлландс-Постен» были опубликованы двенадцать карикатур на пророка Мухаммеда. На одной из них пророк изображен в образе шахида, на голову которого надет тюрбан в виде взрывного устройства.

** Термин «новый атеизм» принадлежит журналисту Гэри Вульфу. Ключевые фигуры этого движения — Ричард Докинз, Сэм Харрис, Кристофер Хитченс, Дэниел Деннет и Аяан Хирси Али — отстаивали точку зрения, согласно которой суеверию, религии, иррационализму следует активно противостоять с помощью рациональных аргументов.

Вообще говоря, Запад страдает от своей склонности ввязываться в последний, а не очередной бой. Холодная война дала миру такие фигуры, как Фридрих Хайек, Карл Поппер и Исайя Берлин, выдающихся защитников свободы. Но их мишенью был тоталитарный режим сталинской России. Они показали, и не без успеха, что марксистская утопия в принципе неосуществима, поскольку великие идеалы свободы и равенства противоречат друг другу: чем больше у нас одного, тем меньше у нас другого. Сомнительно также их утверждение о том, что худшее из возможного — уверенность. Убеждения, говорили они, ведут к тирании. В этом они глубоко ошибались, более того, противоречили самим себе. Хайек уверял, что свобода предпочтительнее рабства, Поппер — что открытые общества лучше закрытых, а Берлин — что негативная свобода лучше ее позитивного двойника. Но они так упорно твердили, что ни одна истина не является окончательной, что их труды в конечном итоге, пусть и непреднамеренно, лишь укрепили принцип морального релятивизма.

Моральный релятивизм ни в коей мере не защищает от тех, кто сегодня ведет войну против Запада и его свобод. Если релятивизм прав, то нельзя сказать, что есть нечто абсолютно истинное или ложное. С моей субъективной точки зрения, убийство гражданского населения, использование детей в качестве живого щита и обращение в рабство девочек суть зло. Однако я должен согласиться и с тем, что у вас может быть иной взгляд на вещи. Вы, возможно, верите, что за этим стоит священный императив, необходимый для вящей славы Бога. У нас разные ценности, потому что наши мировоззрения, говоря словами Исайи Берлина, несоизмеримы. Такой дискурс, вероятно, был весьма привлекательным и осмысленным в безмятежных окрестностях Оксфорда в пору длительного, царившего полвека, мира после Второй мировой войны. Но он крайне неуместен ввиду сегодняшних вызовов.

Какова же альтернатива? Для этого нам нужно вернуться к религиозным войнам XVI–XVII веков, порожденных Реформацией. Во Франции между 1562 и 1598 годами шла война между католиками и гугенотами, за ней последовала опустошительная Тридцатилетняя война 1618–1648 годов. Можно найти поразительные параллели между той и нынешней эпохами.